

Петр Северцев

Раритет хакера

Хакер

Петр Северцев

Раритет хакера

«Научная книга»

Северцев П.

Раритет хакера / П. Северцев — «Научная книга», — (Хакер)

Пентиум пентиуму рознь. Комп частного сыщика Валерия Мареева оснащен такими программами и такой базой данных, что это уже не просто электронное устройство, а Шерлок Холмс и комиссар Мегрэ в одном жестком диске.

ПЕТР СЕВЕРЦЕВ РАРИТЕТ ХАКЕРА

он!..

Но в тот момент я совсем не хотел разбираться в этом деле, потому что давно устал от ему подобных, а еще потому, что не в моих правилах играть с людьми в игры! Телефонный звонок от анонимного, решительно скрывавшего свою внешность заказчика расследования, – моего нынешнего клиента, то есть, – напоминал игру. Недетскую, опасную, но все же игру, а не серьезное дело, из тех, к которым я пришел, перерастая прошлые заказы и первые свои расследования, дела, где основной задачей была поимка пропавших супругов-гуляк, находка «особо важных» утерянных документов, вещей и домашних животных.

Нынешний мой имидж требовал серьезной работы, потому что в последнее время я, Мареев Валерий Викторович, слыл блестящим частным сыщиком, который хотя и дорого берет с клиентов, но работает, оправдывая вложенные деньги. По этой простой причине браться за предложенное дело было просто нежелательно – ведь заказчик даже не счел нужным появиться у меня в квартире!

«Давайте встретимся и подробно побеседуем, например, у меня дома?..»

«Простите, Валерий Борисович, – извинился из трубки моего сотовика бархатный мужской голос, басовитый, доброжелательный, – но встретиться с Вами лично я не могу: очень ответственные дела. Я еще раз настоятельно предлагаю Вам, – он так говорил это „Вам“, что можно было подумать, он обращается к Президенту или эстрадной знаменитости ранга Аллы Пугачевой, – возьмитесь за это дело, я оплачу все по высшему тарифу; с Вашими ставками я знаком.»

«Как можно серьезно говорить о таком предложении, – возразил я, – когда вы звоните по телефону, а от личной встречи просто уходите? Меня такая анонимность не устраивает!»

«Поймите, – ответил голос, приобретая некоторый вес и тяжесть, – Я человек важный, занятой... И мне нужна помощь частного сыщика. Если вы хотите получать те деньги, которые я готов платить за вашу работу, – работайте! Мешать не буду. Но мои дела – прежде всего мои дела. И если я не хочу, чтобы меня видели, значит, так надо!»

«Хорошо, – сказал я, – Я согласен!.. Так, по сути вопроса вы меня уже просветили. Давайте договоримся, как с вами связаться, если у меня появится, что сообщить?»

«Никак, – теперь в голосе слышалась затаенная усмешка, – Я буду звонить сам. Просто все время носите с собой сотовый телефон.»

Мысленно чертыхнувшись, я вежливо попрощался и отключился.

Дело казалось простым и одновременно странным. И, пока за завтраком я размышлял о возможных завязках и исходах моего расследования, в голову приходило слишком много догадок и непроверенных гипотез, которые просто мешают нормальному следствию.

«Нет, – уверенно подумал я, – Одна голова хорошо, а голова и процессор – лучше!» – а потому, не мешкая, доел бутерброд, стряхнул крошки на пол и отправился в свой рабочий кабинет.

Если быть точным, у моей «второй головы» был не только быстродействующий (двухсотый) процессор, но и объем мозгов вполне впечатляющий – не один винчестер, а два, причем, по меркам среднего пользователя – огромных: по семь гигабайт каждый.

Оперативная память так же говорила, вернее, работала сама за себя – сто двадцать восемь мегов! В этой огромной памяти и содержалась основная полезность моего компьютерного анализа – в ней, да еще в умении очень быстро распорядиться гигантским объемом информации, прокачивая ее через отсеивающие все лишнее слои созданной мною дедуктивной программы.

Вот потому-то Приятель был и оставался незаменимым другом и помощником – иногда я даже опасался, что без него вся моя слава грозила рассыпаться в прах... Но сейчас мои мысли были заняты этим новым делом.

Слегка отодвинув платяной шкаф в сторону, – он был полегче, чем книжный, потому что одежды у меня отродясь водилось меньше, чем книг, а теперь – гораздо меньше, – я вошел в «тайную лабораторию по раскрытию страшных преступлений».

Уселся в крутящееся черное кресло – такие встречаются в некоторых офисах, стоят немало, но удобнее любой другой мебели, придуманной для того, чтобы на нее садиться.

Так как сам компьютер никогда не выключался, работая круглые сутки, мне оставалось включить лишь монитор, который засветился синим.

ПРЕДСТАВЬТЕСЬ, ПОЖАЛУЙСТА – в этой возникшей посреди синего экрана фразе сочеталась настороженная подозрительность, вежливость и твердость моей машины – попробуй, считай информацию с диска, не ответив на пароль!

ДОБРЫЙ ВЕЧЕР, ПРИЯТЕЛЬ – отщелкал на клавиатуре я, привычно усмехаясь тому, что до вечера оставалось еще часов восемь.

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ ОПОЗНАН. ПРИВЕТ, ХАКЕР!

ХОЧУ ПОДБРОСИТЬ ТЕБЕ ИНФОРМАЦИИ – напечатал я, вслед за тем нажимая клавишу с русским «Р», означавшим, что способом подачи этой информации будет привычная нам обоим речь, и тут же, не дожидаясь признания в резидентном подключении звукового анализатора, начал описывать суть проблемы, шаг за шагом следуя установленной форме, поминутно сверяясь с блокнотиком, в котором законспектировал все то, что по телефону сообщил мне заказчик.

– Суть: вчера, шестого июня, на окраине города был найден труп мужчины сорока восьми лет, русского. Имя: Виталий Иванович Самсонов. Приметы: невысокий, полный, – рост сто пятьдесят шесть сантиметров, вес семьдесят пять килограмм – с залысиной, волосы темные, глаза карие; особых примет не имеет. Возраст: пятьдесят два года. Причины смерти: судмедэкспертом не установлены. Заказчик: анонимный. Заказ: узнать причины смерти, найти убийцу. Мнение клиента: это убийство. Все.

Мой приятель-пентиум пощелкал, поперемигивался «глазками» – индикаторами речевого ввода и логического анализатора – и выдал вполне ожидаемую фразу: «**А СТОИТ ЛИ ВООБЩЕ ИМЕТЬ С НИМ ДЕЛО?**»

– Да, – ответил я, – остальные условия положительные... То есть, они вполне меня устраивают. – последнее было добавлено лишь в качестве литературного уточнения: программа моего Приятеля все равно воспринимала значение лишь тех фраз, которые я в нее вложил, просто игнорируя остальные.

Услышав такой ответ, компьютер без промедления принялся за работу, деловито бурча и щелкая.

Минут через пять-шесть деятельность приостановилась, и на мониторе возник очередной вопрос-уточнение: «**СЛЕДОВ УБИЙСТВА НЕТ, ИЛИ ИХ НЕ НАШЛИ?**»

– Их не нашли, – уверено ответил я, считая, что мнению клиента по данному вопросу можно доверять, хотя бы и анонимному мнению. Правда, наш разговор получился несколько обрывочный...

«Понимаете, Валерий Борисович, – протянул он в трубку в ответ на мой вопрос, – у меня есть определенный источник информации об убитом. Я почти на сто процентов уверен, что его убили, причем, возможно, я правильно оцениваю мотивы.»

«Ну и?»

«Не хочу заранее внушать вам заданную точку зрения...»

«Да вы не беспокойтесь. Вы говорите.»

«Да я и не беспокоюсь, – почти отрезал он, – В общем, сразу уточню: Самсонов занимался продажей библиографических редкостей – уникальных изданий, проспектов, даже марок, в общем – различной полиграфией. И у меня есть повод предполагать, что он занимался продажей украденный или контрабандно завезенных в страну вещей. Скорее всего, он был убит из-за собственной жадности, мнил себя хитрым и умным, попытался нагреть руки – его и наказали.»

«Так я вас не совсем понимаю: вы, кажется, все и так знаете. Вы хотите, что бы я конкретизировал убийцу? Или как?»

«Если быть откровенным, я гораздо больше хочу узнать, ИЗ-ЗА ЧЕГО убили Самсонова, а не кто и как это сделал, потому что, узнав первое, второе и третье я пойму сам.»

Я не стал спрашивать, зачем это нужно клиенту: раз сам не сказал, значит, сложилась такая ситуация, а по итогам телефонного разговора, я заключил, что нынешний мой клиент – человек, не привыкший, чтобы с ним спорили, что-то у него выпытывали, лезли к нему в душу, – то есть, какой-то начальник.

«Хорошо. – ответил я, с минуту подумав, – Тогда, раз уж мы не можем с вами встретиться, я хотел бы задать вам несколько вопросов, чтобы лучше ознакомиться со сложившейся вокруг покойного ситуацией.»

«Конечно, Валерий Борисович, – возвращая свою радушность, ответил голос, – Я вас внимательно слушаю!»

Допрос, который я ему учинил, продолжался около сорока минут; за это время я исписал половину небольшого блокнотика, узнал о Самсонове практически все, чем можно было охарактеризовать этого необычного человека, и сложил собственное мнение о клиенте, ситуации и возможной развязке.

С этим я и пришел к своему Приятелю.

Пентиум шелкал еще минут пятнадцать, пока я в задумчивости грыз ногти, размышляя об особенностях порученного дела. Затем снова спросил: «МЕСТО РАБОТЫ ПОКОЙНОГО?»

– Издательство «Заря», небольшой издательский комплекс, по адресу: улица Слонова, дом сорок два дробь сорок восемь. Комнаты с первой по четвертую. Работники издательства занимаются выполнением заказов на составление и оформление сборников, редких книг и книг с повышенным полиграфическим качеством; работают с малыми тиражами, только по заказу и только за соответствующую плату.

Как сказал клиент, «Если вам нужна книга из шести страниц в переплете из натуральной кожи, с каждой буквой разного оттенка, с отстегивающимися страницами и ровно в тринадцати экземплярах – обращайтесь в „Зарю“!»

Проверить данное утверждение, равно как и остальную информацию о деле, я мог двумя способами: дав Приятелю направление скачать файлы из издательских компьютеров, что, разумеется, противозаконно, или прийти в издательство самому, что, конечно, бесполезно.

Я как раз размышлял над этим, когда пентиум выдал: НЕДОСТАТОЧНАЯ ПЛОТНОСТЬ ИНФОРМАЦИИ. ЗАПРОС РАЗРЕШЕНИЯ НА ВЗЛОМ И ПЕРЕКАЧКУ ИНФОРМАЦИИ ИЗ КОМПЬЮТЕРОВ ИЗДАТЕЛЬСТВА – ?

– «Enter», – ответил я, – То есть, «Да».

Он снова загудел, защелкал, принимаясь за работу: выходя в сеть, запуская свои длинные программные лапы в чужой информаторий. По опыту я знал, что на такие операции уходит достаточно времени, чтобы я мог покамест решать попутно другие проблемы. Но едва я успел выйти из «тайного кабинета», чтобы отыскать в телефонной книге координаты издательства, в котором работал Самсонов, в дверь позвонили.

– Кто там? – громко спросил я, тихо придвигая платяной шкаф на место и спеша к двери.

– Э-э-э, – многозначительно ответил пришедший, судя по довольно-таки высокому голосу – молодой мужчина, возможно, даже юноша, – Здесь живет Мареев... Валерий Борисович?

Приятель был занят анализом данных, а потому спросить у него, пускать пришедшего в дом, или нет, я не мог. Пришлось в кой-то веки все решать самому!

Посмотрев в «глазок» и определив на глазок, что одинокого юноши, пришедшего поговорить, опасаться, в общем-то, нечего, я ответил.

– Здравствуйте, – открывая дверь и всматриваясь в пришедшего повнимательнее, – Это я.

На пороге стоял парень лет восемнадцати, в черных джинсах и футболке с рисунком рок-музыканта сжимающего электрогитару; на груди у него, кажется, было написано «Maпowaг». Пригладив короткие и жесткие темно-русые кудри, он не слишком уверенно посмотрел на меня и ответил, – Здравсьте.

– Проходите, – я сделал приглашающий жест, указывая в коридор, который шел к кухне – моей приемной комнате для клиентов, загулов и совещаний, – пропустил его вперед и указал на табуретку рядом со столом, – Садитесь. Чаю? Кофе?

– Нет, спасибо, – ответил парень, усаживаясь, затем снова встал, несколько суетливо протягивая мне руку, – Меня зовут Артем. Артем Глебычев.

– Очень приятно, – вежливо ответил я, пожимая сухую ладонь, – А меня вы уже знаете... Да вы садитесь, вот, у стола.

– Давайте на «ты»! – внезапно осмелился гость, снова усаживаясь, и озирая с растерянным любопытством мой привычный кухонный беспорядок.

– Хорошо, – я пожал плечами, садясь в кресло напротив,

– Давай на «ты». – Вы частный сыщик? – спросил он, тут же забывая о нашей договоренности.

– Да, я частный сыщик, Артем.

– Значит, вы, э-э-э, можете помочь в таких проблемах, когда никому ничего не надо говорить?

– При своей работе я сохраняю конфиденциальность, – ответил я, пожимая плечами, – в тех пределах, в которых этого желает клиент.

– Ага, – сказал он, видимо, пытаясь примерить эту мою фразу к собственной ситуации, – Ага...

– Ты не торопись, Артем, – успокаивающе сказал я, увидев, что парню несколько не по себе в незнакомой обстановке; он втянул голову в плечи, и сжал кисти в кулаки, то есть, все время ждал чего-то, чего-то опасался, – Рассказывай, что там у тебя, послушаем, разберемся.

– Мою девушку хотят убить. – твердо сказал он и внимательно посмотрел на меня. Так как выражение моего лица не исказили изумление, ужас или еще какие-либо чувства, которых парень, видно, ожидал, он продолжал рассказывать с нарастающей злостью, – Она дочка одного босса, ее отец жирный придурок, он не хочет, чтобы она со мной связывалась. Она меня любит, и мы хотели уехать в Томск, там у меня бабушка. Когда отец узнал об этом, он ее запер, и приставил к ней мужика. Здоровый, тоже полнейший ублюдок! Так вот, я приходил ночью, его я обошел, но в окно забраться не успел: увидел, как туда уже лезет какой-то мужик! Я его шуганул, говорю: «Ты че?!», он резко спрыгнул и побежал в сторону, по саду. Там собаки залаяли, а ко мне они все никак не привыкнули, ну, я и побежал за ним... Только не догнал. – он замолчал, ожидая моей реакции.

– Это все? – сказал я достаточно разочаровано.

– Нет, не все! – возразил он громко, – На следующий день, когда я с ней встретился, она говорила, что кто-то отравил двух сторожевых собак из четверых, они умерли. Если этот гад отравил собак, значит, он не хотел шума. Он хотел пролезть в окно, и что-то там сделать!

– Это окно спальни? – уточнил я, помечая в блокнотике.

– Ну, – кивнул пришедший, – Она спит одна, а телохранитель – за дверью. Че бы он сделал?! – парень напоминал петуха перед дракой.

– Артем, значит, если я правильно понял, ты подозреваешь этого неизвестного, который лез к ней в окно, в том, что он хотел украсть твою девушку? – парень кивнул, – Как ее кстати, зовут?

– Настюха... Настя Горелова – с некоторым вызовом ответил он.

«Н-да, – подумал я, понимая, кого именно парень назвал боссом и жирным придурком, – ну и угораздило пацана выбрать себе невесту!» Горелова Ивана Алексеевича в городе знали все предприимчивые или просто соображающие люди – кто ж не знает руководителя областной налоговой службы, который «по совместительству» еще и негласный, но известный учредитель страхового общества «Мария»?!

– Тогда скажи-ка мне, – спросил я, – зачем ты пришел сюда? Ты хочешь, чтобы я разыскал этого ночного вора, что ли?

– Да нет, – с радостным видом возразил Артем, – Мне на него наплевать. Я хочу свою девушку. – внезапная догадка о том, чего же хочет этот «клиент», заставила меня нахмуриться, сдерживая смех.

– Я хочу, чтобы ты, – продолжал парень, – помог ее украсть. Сразу предупреждаю, – она не против!

Выдержав паузу, во время которой я попытался не рассмеяться, что со мной вообще бывало довольно редко, я ответил, – Ты, Артем, парень горячий. Но в таком деле всегда нужно подумать. И если бы ты подумал, ты бы понял, что я, как частный сыщик, РАСКРЫВАЮ преступления, а не совершаю их! А теперь, после твоего признания, если я узнаю, что у Горелова пропала дочь – а я обязательно узнаю, если это случится, – я буду знать, что это твоих рук дело. Понимаешь?

Через несколько секунд до парня дошло, какую глупость он сделал, придя сюда; побагровев, он открыл рот, чтобы сказать что-то оскорбительное, но, увидев мой немигающий взгляд, передумал. Вскочил, буркнул, – Пока! – и, подбежав к двери, начал nervно пытаться открыть замок.

Замок у меня, кстати, не слишком простой, я бы даже сказал, сложный, причем, с обеих сторон двери, если не знаешь, как к нему подступиться. Поэтому парню копать над ним и копать. Но я, конечно, помог Артему, открыл дверь, отодвинув его в сторону, чтобы он не видел, как именно я это делаю, и выпустил парня из своей квартиры, пожелав ему разобраться с родителями по-нормальному, и в дальнейшем не делать глупостей.

Честно сказать, меня очень развеселил весь этот визит, хотя он и отнял около двадцати минут времени; теперь, после моих слов, я надеялся, что парень оставит дурные попытки выкрасть свою милую, и, возможно, даже сойдется с ее отцом. Хотя, судя по его неформальному виду, Алексей Иванович Горелов вряд ли сочтет Артема выгодной партией для своей дочки.

Однако, долго размышлять по этому поводу я не имел желания и времени; мысли мои были заняты делом убитого (или, все-таки нет?) библиофила Самсонова. Поэтому я вернулся к Приятелю, который, возможно, уже закончил основную часть анализа.

Так оно и было: экран стоял освещенный, посередине столбиком выстроились четыре фразы.

"ЧЕГО НАДО? – весело спросил Приятель, предоставляя мне обширный четверной выбор, – АНАЛИЗ ПРИЧИН СМЕРТИ;
– ДАННЫЕ ИЗ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ЗАРЯ»;
– АНАЛИЗ МОТИВОВ;
– ДАННЫЕ ИЗ ЛИЧНОГО КОМПЬЮТЕРА САМСОНОВА."

Вот на последней фразе я обрадовался и удивился сразу: видно, качая информацию из компьютеров издательства, Приятель обнаружил «адрес» компа самого Самсонова, который,

вероятно, торчал у него дома. Удачей было то, что этот самсоновский компьютер или не выключался со времени его смерти, или был включен чьей-то любопытствующей рукой, и Приятель мог свободно скачать с него данные! О такой радости я и мечтать не мог!

Но – терпение, прежде всего терпение – сначала я кликнул мышкой в пункт номер один.

"АНАЛИЗ ПРИЧИН СМЕРТИ:

ЕСТЕСТВЕННАЯ СМЕРТЬ – 82%

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ – 16,9%

НЕПРЕДНАМЕРЕННОЕ УБИЙСТВО – 0,1%

УБИЙСТВО – 1%

Н-да, вот тебе и мнение клиента... Где же тут убийство? Утешало одно: вероятность преднамеренного убийства больше, чем вероятность непреднамеренного... наверное, в связи с коммерческой работой Самсонова: как никак, заказы, выполняемые издательством, судя по всему, стоили весьма дорого. Но что же мне теперь делать, когда Приятель упорно не желает признавать, что смерть Самсонова являлась убийством?..

Внизу, под этим кратким перечнем, компьютер выдал расшифровки каждого пункта. Я просмотрел «естественные причины», где давалась процентная возможность сердечной недостаточности, солнечного удара и повышенных электромагнитных излучений (остальные причины были слишком маловероятны). Да, картина получалась не самая лучшая.

Понимая, что у Приятеля слишком мало информации для абсолютной уверенности, я решил во чтобы то ни стало добыть ему заключение судмедэксперта.

Ладно, посмотрим пока «Анализ мотивов».

"НАСЛЕДОВАНИЕ – 3%

ОГРАБЛЕНИЕ – 4,5 %

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ – 56%

ДРАКА – 4,4%

СЛУЧАЙНОЕ УБИЙСТВО – 0,1%

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УБИЙСТВО – 2%

НЕУЧТЕННЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА – 30 %"

Хрен собачий! Единственное интересное место – эмоциональное преступление поменялось местами с ограблением – обычно самым распространенным мотивом. Отчего бы это? В данных, которые получил мой Приятель, ничего не было про врагов или неприятелей Самсонова... Только потом до меня дошло, что электронный аналитик залез в память личного компьютера Самсонова, и оттуда мог почерпнуть сведения из окружения и личной жизни редактора «Зари».

С нетерпением, предвкушая много интересного и нового по этому самому делу, я вошел в пункт «Данные из личного компьютера Самсонова».

«DIARY» – так назывался один из директориес на его винчестере, который сразу же привлек мое внимание, и выдавил из меня слабую улыбку, – ведь в переводе с английского, «diary» значило – 2. – «дневник»!

Получив такое сокровище, само собой свалившееся мне в руки, я, затаив дыхание, начал просмотр и чтение того, что оставил там хозяин дневника.

И уже после первичного, неуглубленного просмотра, я понял, что Виталий Иванович Самсонов был натурой весьма оригинальной, превосходящей всех, с кем я встречался в жизни: он строил себе нерукотворный памятник. И этим памятником был его дневник, состоящий из трех частей, и повествующий о жизни такого авантюриста, который украсил бы любой пантеон негодяев! Как было написано в самой первой, дневник Виталий Иванович вел всего ничего – три с половиной года, но за это время, не переставая совершенствовать несколько вычурный, но вполне приемлимый литературный стиль написал больше двухсот тысяч килобайтов.

Директорий «DIARY» вмещал в себя три файла, в каждом из которых ныне покойный автор повествовал о своих делах, идеях и пристрастиях: первый был целиком и полностью посвящен детству, юношеству и созреванию, как характера, так и криминальных идей Самсонова; здесь он приводил различные примеры из своих ранних авантур – как стравил две уличные банды, будучи двенадцатилетним, и, бегая от одной к другой с «секретными поручениями», с обеих сторон получал причитающиеся деньги, как потом сдал обе группы ментам, как в шестнадцать лет заставил престарелую бабушку принять его за своего внука от давно погибшего сына, и, в результате, обрел прекрасную сталинскую квартиру с обстановкой, в которой обитал до самой смерти, как женился и тут же развелся, как...

Впрочем, перечислять все хитроумные дела Виталия Ивановича было бы преступлением – ведь покойный автор специально писал книгу, чтобы ее ПРОЧИТАЛИ, а не для того, чтобы какой-то частный сыщик рассказывал о ней на каждом углу...

Второй том, то есть, второй файл повествовал о трудовых буднях Самсонова, когда, восемнадцатилетним, он оказался на стройке сталелитейного гиганта, какими в те годы любило баловаться советское правительство, и рассказывал о том, что он через два года работы начал творить с продукцией этого гиганта, как он провозил цветные металлы тоннами, и тоннами же продавал – то в другую область, до вообще за бугор. Здесь так же повествовалось о политических и чиновничьих связях покойного, причем, приводились детальные описания кабинетов руководства, подлинные адреса, фамилии, даты и пути перевозок металла. Рассказывалось и о других делах...

Далее речь шла о долгих скитаниях Самсонова, избежавшего тюрьмы, когда остальные сотоварищи познакомились с «казематами сырокамня» – здесь Виталий Иванович нашел себя в профсоюзном распределении отпусков и санаторных путевок – тут уж он порезвился вовсю, нагревая руки, и наотдыхался по партийным курортам вволю – и это далеко не все; нет, слишком многое из того, что я просто увидел, не вдаваясь в детали, сейчас приходится оставлять недоговоренным – Самсонов в жизни успел сделать столько, что всему составу нынешней Думы у него учиться и учиться!

Читая, я невольно поражался хитрости, изворотливости и проницательности автора, скорого на выдумку и умеющего обмануть человека так, что тот даже будучи съеден Самсоновым, не заметит того, считая людоеда прекрасной души человеком. Но была у преступника одна слабость, упоминания о которой сквозили между строк, переходили из одной главы в другую, прослеживались от начал до конца – все время я ловил взглядом имена и фамилии литературных героев, критиков и авторов; описание книжного шкафа одного из партийных деятелей начала перестройки (фамилию не назову, слишком известная), было описанием профессионала, любящего тему и знающего ее досконально – Самсонов был рабом книги. Нет, лучше так – Книги. И сделал все для того, чтобы "приблизить себя к тому далекому, непостижимому и прекрасному.

Да, его собственная книга получалась воистину памятником изощренности этого человека!.. Только вот одно «но» – она не была закончена: третья часть не занимала и половины от второй, или первой. И, если предыдущие я просматривал торопливо и поверхностно, то последние записки покойного, датированные периодом в несколько последних месяцев, до последних двух дней до его смерти, смотрел медленно, вчитываясь.

Читал – и качал головой.

Оказывается, работа в издательстве «Заря», многому научила предприимчивого и любящего книгу Самсонова – он изобрел способ зарабатывать большие деньги, занимаясь любимым делом: издавая книги и продавая вместе с реальными экземплярами – фальшивые.

Сам он описывал процесс следующим образом:

«Схема проста: увеличиваешь тираж на некоторое безопасное для тебя количество, которое никто не сможет отследить, и ту дополнительную часть, которую никто не заказывал, про-

даешь по частным коллекциям от лица работника фирмы-заказчика или просто от лица какого-нибудь букиниста. Здесь главное – уметь переодеваться, так чтобы тебя не смогли опознать – борода, там, усы, или парик, или и то, и другое, и третье, и четвертое... Деньги огромные и халявные: средний человек даже представить себе не может, сколько коллекционер готов выложить за книгу с дарственной подписью писателя, книгу с улучшенной полиграфией, с дополнительными комментариями? От жалкой сотки через приемлимую пятисотку к гордому десятилимоннику, который, в принципе, тоже далеко не потолок! Вот и издавай, печатай престижные книжечки.»

Эту часть я перечитал несколько раз, затем вчитался в сухие и четкие инструкции Самсонова, относящиеся к различным стадиям этого издательского процесса, и, дойдя до конкретных примеров, мог только покачать головой: речь шла, например, о книге Разинского «Разгадка Берии», которая издавалась тремя тиражами – основным, двадцать тысяч экземпляров, дополнительным, в две тысячи и раритетным, в сто пятьдесят экземпляров. Так вот, этот раритетный тираж выпускающее издательство заказало «Заре» – только там наличествовала экологически чистая ужасно дорогая бумага, – каждая книга раритетного тиража была подписана Разинским, и в Москве продавалась за полтора миллиона – как библиографическая редкость. А вне широкой рекламы литературный агент Разинского заказал двадцать совершенно особенных книг совершенно собственного тиража – с увеличенным форматом, со вступительной надписью Разинского, с двойной обложкой, съемными цветными и черно-белыми фотографиями, с золотым тиснением, десятком шелковых закладок, в специальном футляре – и так далее, и тому подобное – Самсонов сделал еще одиннадцать книг этого тиража, разумеется, в тайне. Каждая из них ничем не отличалась от оригинала – только тем, что вступительное слово Разинского в каждом томе авторского тиража – а каждый из этих двадцати томов Разинский заказал для подарка вполне конкретным людям, и подписывал по-разному, – Самсонов подделал с помощью цветного лазерного принтера и специальных уловок и хитростей, который, в принципе, известны и доступны опытному типографскому работнику: он смоделировал отдельные элементы почерка с большой внешней достоверностью. При проверке специалистами различие в почерке, конечно, можно было бы обнаружить, но – я знал – качество подделки было очень высокое, вплоть до того, что цвет напечатанного на лазерном принтере соответствовал цвету любой авто-, перьевой или капиллярной ручки. Каждую из таких раритетных книг Самсонов заранее заявил через одного букиниста (Шарова Иннокентия Арсеньевича), адрес которого я позже нашел в компьютерной «записной книжке» и скатал к себе в блокнотик, и делал их прямо «на заказ».

Стоила каждая ТАКАЯ книга Разинского пять с половиной миллионов необлагаемых налогом рублей, пять из которых шли издателю Виталию Ивановичу Самсонову, который тратил чуть больше жалких двухсот тысяч рублей за экземпляр, а пятьсот – тому продающему букинисту; в итоге автор дневника получил пятьдесят миллионов за работу, которая не заняла у него и месяца.

Но самое интересное из прочитанного представляла для меня последняя глава: «Христос для бритых», в которой Самсонов повествовал о последнем деле... доведенном до конца за два дня до его смерти.

Если кратко, то речь шла о специальном дорогостоящем заказе издательству «Заря» – каталоге для всероссийской «Выставки Русской Иконы», которая будет проходить через два дня – с десятого по одиннадцатое июня в нашем городе. Самое интересное, что шесть экземпляров, всего шесть! устроитель выставки заказал сделать совершенно непохожими на остальные две тысячи: другого формата, очень высокого полиграфического качества, с гораздо более полным перечнем предметов экспозиции, как тех, что будут выставляться, так и тех, что останутся «за кадром».

Здесь я несколько озадачился и удивился, потому что не смог понять, для чего предназначен столь малый тираж; Самсонов с деланным прискорбием сообщал в своем описании, что издание этих шести штук контролировалось непосредственно заказчиком, что набранный текст был выдан на руки лично директору издательства под строжайшую и хорошо оплаченную договоренность сохранить ЭТУ работу в тайне, так, чтобы даже никто из работников издательства не узнал, никто, кроме директора и самого Самсонова. Однако, после выражения такого прискорбия, он писал, что намерен сделать собственные два экземпляра, потому что "мне поступил конкретный заказ... второй экземпляр я сделал себе, а третий – на случай еще одного такого же клиента..

С некоторым удивлением – забавное совпадение, правда? – я узрел фамилию заказчика тиража, и одновременно устроителя выставки. Это был Горелов Иван Алексеевич, тот самый «жирный придурок» отец любимой недавно зашедшего в гости Артема. Любопытное совпадение, не правда ли?

Итак, последнее, судя по всему, весьма важное дело Самсонова – допечатка двух экземпляров этого мизерного тиража. В тексте откровенно намекалось, что печатались они на конкретный заказ... но кто были заказчик или заказчики?!

В этом мог крыться мотив преступления, если оно, все-таки, имело место...

Вот таким бизнесом и занимался покойный. Вот в обстоятельствах таких заработков, такой деятельности он и умер...

А мне предстояло узнать, была ли его смерть убийством, а если была, то каким образом он был убит, кем и почему. По крайней мере, за это расследование анонимный клиент платил по двести долларов за сутки с обещанным вознаграждением в полторы штуки в случае удачи. Кстати, пока я с упоением читал третью часть повествования, мне в дверь позвонила работница почты, принеся заказную бандероль, за которую заставила расписаться в квитке; вскрыв ее в уединении, я обнаружил там трехдневную дозу в баксах – как мы с клиентом и договорились.

Минут через пять он позвонил и удостоверился, доставлены ли деньги.

– Доставлены, все в порядке, – ответил я, и, не считая нужным скрывать, уточнил, – возможно, уже совсем скоро мне будет, что сказать вам.

– Есть результаты? – несколько удивленно осведомился клиент, – Откуда? Вы же до сих пор не выходили из дома?

А вот этого я не люблю! Когда за мной следят, всегда есть вероятность, что мои малообъяснимые успехи будут рассмотрены с величайшей подозрительностью, рассмотрены и выпотрошены мое расписание, мои походы по магазинам и все, что составляло мой обычный рабочий день. И умный человек, проследив все это, сразу же поймет, что дело нечисто. А тут уж рукой подать до догадки про компьютер!

Клиент выдал свое внимание к моей деятельности, выдал не случайно, а чтобы показать свои возможности; настало время и мне показать часть заготовленного понта.

– К сведению наблюдателей, – усмехнулся я, – выходил уже дважды – к одному эксперту, который живет неподалеку, то есть, выходил без машины, а так же в магазин, за продуктами. Только ваших следопытов мне даже не понадобилось обходить – я хожу короткими путями через дворы, а самый короткий путь – старая дверь, которая из моего чулана выводит в соседний двор. Разумеется, со стороны улицы она не видна.

– Понятно, – от души рассмеялся клиент, громко и басовито, заставив меня слегка отодвинуть телефон от уха, – Один-ноль в Вашу пользу. Может, скажете, когда мне позвонить, чтобы добиться конкретных результатов?

– Часов в девять вечера, – сказал я, – Я постараюсь быть готов.

– Лады. До свидания. – он отключился.

Посмотрев на часы, я охнул: пока я наслаждался увлекательным просмотром и чтением, большая стрелка перевалила за грань трех часов дня! Н-да, давно я так не зачитывался – не было подходящего шедевра!

Скоренько набросав основные положения для анализа, я попытался представить себя в роли Приятеля – а так приходилось делать достаточно часто, – и беспристрастА.".#

Итак, человек пятидесяти двух лет, окружение – букинист, через которого Самсонов сбывает некоторые из книг, добрые старые соседи, которые знают про него все, что обычно лежит на поверхности человеческой жизни, мертвая жена, мать и отец, дальние родственники, разбросанные судьбой по городам матушки-России, люди, с которыми он работает в издательстве, да несколько человек, старых знакомых, с которыми в разное время сводила судьба, а сейчас не поддерживается практически никаких отношений, за исключением открыток на праздники. Есть сосед, Вадим Корольков, с которым они несколько похожи, как в пристрастиях, так и внешне – о нем Самсонов упоминал несколько раз, как о существе, способном скрасить не один вечер в приятно беседе и игре в шахматы.

Врагов нет, потому что никто никогда ни о чем толком не знал, потому что прикрытия своим делам Виталий Иванович продумывал досконально, а пил не на столько, чтобы рассказывать что-либо в пьяном бреду. А раз врагов, завистников и давних недоброжелателей у него не было, убийство по своему мотиву все-таки не входит в разряд эмоциональных.

Так?

Приятель определил возможность последнего в пятьдесят шесть с лишним процентов.

Почему?

Даже в голову не приходит. Возможно, в своих размышлениях я что-то упустил. Кликнув мышкой в пункт "Данные из издательства «Заря», я оценил, как поставлено дело в этом издательстве. О некоторых полиграфических программах, начиная с художественно-оформительских и заканчивая техникой, используемой для издания, я, несмотря на мою компьютерную грамотность, просто никогда не слышал.

«Заря» занималась изданием малых тиражей сама, те же, что превосходили технические возможности издательства, вроде пятисот и выше экземпляров полновесными «кирпичами», направляла издавать в одну из нескольких типографий, с которыми были установленные деловые связи; три из пяти, кстати, находились за рубежом – в Финляндии, Германии и Словакии.

Руководил, вернее, до сих пор руководит издательством Кораблев Дмитрий Алексеевич, официально – директор. Два его основных помощника – коммерческий директор Данилов Виктор Михайлович, да небезызвестный нам Самсонов Виталий Иванович, должность которого была обозначена весьма неясно – помощник директора по организационным вопросам. Чувствуется, Самсонов и был тем стержнем издательства, который занимался конкретно подготовкой к изданию и руководством по ходу издательского процесса, то есть – знал, как работать с компьютерной, иной электронной техникой, знал десятки переплетных методик, умел заставить интенсивно и творчески трудиться дизайнеров, наборщиков и художников издательства, а так же руководить остальным небольшим персоналом работников издательства – всего их было, включая бухгалтера, шестнадцать человек.

То есть, по сути, он единственный, кроме директора, имел доступ к аппаратуре в любое время, что, собственно, и объясняло его возможности издавать дополнительные тиражи без особых трудностей, лишь покупая дополнительные материалы – кожу, клей, бумагу, краску, и так далее; часто он не делал даже этого, обходясь тем, что имелось в наличии у издательства.

Итак, я прошелся практически по всем издательским файлам, скинув с некоторых паролевые программы-ограничители – это было делом нескольких минут – и понял, что ни хрена не понимаю.

Где те пятьдесят шесть процентов эмоционального преступления: где те, кто любят, ненавидят, хотят и всеми силами добиваются несчастного Самсонова?! Их не было. Покинув ска-

чанные извне директории, я обратился непосредственно к программе анализа своего Приятеля: набрал «ОБОСНОВАНИЕ» и кликнул мышкой в «Анализ мотивов».

Пощелкав несколько секунд, пентиум выдал заранее составленное объяснение, уместившееся в несколько абзацев.

Он писал, что законных документированных наследников у Самсонова не было, дальние родственники пребывали в престарелом состоянии – поэтому обычно большая вероятность наследования сводилась к столь малой цифре в три-четыре процента. Против ограбления говорил факт, что с собой Самсонов денег, которые можно назвать значительными, практически не носил, да и следов нападения на нем не было, а нормальный грабитель не изощряется до создания методик недетектируемого убийства. По той же причине практически отменялась драка.

«Черт, – подумал я, – надо достать описание того, что было у него в карманах на момент смерти!»

Неучтенными обстоятельствами Приятель называл вероятность того, что, по его мнению, нам были известны не все важные факторы, или что по какому-то фактору была допущена значащая ошибка.

Оставались пресловутые эмоциональные мотивы. Просмотрев их, я одобрительно кивнул и похлопал слегка гудящего внутренним вентилятором Приятеля по корпусу.

Да, парень постарался: исследовав доступные для него по формулировке данные из личных дел, что были в издательском компьютере, он спрогнозировал вероятность внутренней неприязни в коллективе ПО ГОРОСКОПУ, который составил, исходя из дат рождений людей.

Выходило, что один из подчиненных Самсонова, художник-Рак, «... человек порывистый, эмоциональный и горячий, но чрезвычайно одаренный» – выписка из характеристики, – которого зовут Эрик Штерн, выходец из Германии, куда в свое время эмигрировали его родители, советские интеллигенты. Обрато вернулся около трех лет назад, причем, практически сразу же нашел себя в организующейся «Заре». Так вот, этот «один из подчиненных» «неоднократно вступал с начальством в споры, доходящие до истерики, но быстро успокаивался и мог продолжать работу. Неуживчив, особенно с непосредственным начальником (Самсоновым В.И.), но в прекрасных отношениях с коллегами. В работе предпочитает тишину, поэтому работает, в основном, дома.»

Полагаясь на свою память, которая несколько дрогнула при упоминании этих фамилии и имени, я снова вошел в файл с третьей частью книги Самсонова, описывающей работу в издательстве, и несколькосекундный поиск мой был удовлетворен – там было написано следующее:

«Штерн, этот молодой человек с чувствительностью благовоспитанной девственницы, неоднократно ловил меня на мелочах, которые я, по старости своей, совершал с уверенной безапелляционностью: однажды, совсем недавно, когда работа над элитными марками „850 лет Москве“ была в самом разгаре, и ему предстояло выполнить центральную часть триптиха „Москва Златоглавая“, я по привычке выписал расходных материалов больше, чем требовалось, то есть, ровно столько, на мой опытный взгляд, сколько требовалось для дальнейшей допечатки этого чертового триптиха – разумеется, в кожаном футляре, дизайн которого я уже придумал, в двух экземплярах – гашеных и негашеных, с дальнейшими приличествующими приукрашениями... Но любопытный Эрик, заглядывая мне через плечо, с ленцой в голосе сообщил – „Не слишком ли много? – мне нужно лишь столько-то“, а когда я попросил его не соваться не в свое дело, устроил форменный скандал... Да, трудны наши будни – будни издателей-авантюристов...» – дальше я читать не стал, время поджимало.

Итак, по итогам первичной обработки – будем столь же благословный, как и Приятель – мотивы пока расплывчаты. Хотя по мнению Приятеля существует один ярко выраженный предполагаемый преступник, наш подозреваемый номер один – Эрик Штерн.

Однако, во всем доверяться Приятелю нельзя. Он ведь, все-таки, машина, хотя и с совершенной в силу моих широких возможностей программой. И некоторые особенности чело-

веческих отношений он просто «не читает». Приятель видит простую и довольно прямую связь: «спор-скандал-трения-неприязнь-ненависть-убийство». И хотя для него факт первенства именно этой логической линии в нашем расследовании неоспорим, я сомневался в такой простоте дела.

Что же тогда делать? Ведь до девяти оставалось ровно пять с половиной часов! С одной стороны, информации очень много, из различных источников, с другой – очень мало, потому что непосредственной информации о деле – начиная с подробных результатов медицинского обследования трупа – нет! И я в сомнении покачал головой, почесав подбородок с начинающей пробиваться щетиной: так недолго и запутаться.

А значит, пора спросить мудрого совета.

«ЧТО ДЕЛАТЬ?»

Приятель ответил кратко и сухо, разбив надлежащие действия по пунктам, которые мне следовало выполнять один за другим, как это делалось обычно:

1. ПРОВЕРИТЬ ШАРОВА (МАЛО ДЕНЕГ);
2. ПОЗНАКОМИТЬСЯ С ТВОРЧЕСТВОМ ШТЕРНА (56 %);
3. «ВЫСТАВКА РУССКОЙ ИКОНЫ» – ТВОЙ ЛУЧШИЙ ШАНС.
4. ЗА ТОБОЙ СЛЕДЯТ (ЗАКАЗЧИК)."

– Ты уверен? – по привычке спросил я, считая, что чертов компьютер мог бы быть помногословнее и поконкретнее... хотя, куда ж еще: первые два пункта вполне совпадали со здравыми мыслями, пришедшими и мне в голову, числом в пятьдесят шесть процентов Прг#ц#bŷwA#ФСРї ность эмоционального преступления, продолжая гнуть свое – ну и пусть себе: довольно часто бывало, что с накоплением данных расклад процентов вообще менялся с точностью до наоборот, так что на этот счет я не беспокоился, в мои функции входило выйти из дома и собрать необходимое количество фактов; третий так же был вполне понятен: мне следовало уцепиться за выставку и поподробнее разузнать все вокруг, да около. В пункте четвертом я уже смог убедиться.

Итак, для начала предстоял дружественный визит в букинистический магазин: подумав, я согласился с мнением Приятеля, что Шаров – один из первых подозреваемых, и дело здесь касается конкретно денег. Объяснить его мотивы я мог достаточно просто, не вдаваясь в тонкий психологический анализ.

Вы представьте, что, продавая вещь, серьезно рискуя, получаете одну десятую и меньше, в то время, как на краденном или на фальшивом товаре нормальный сбытчик получает обыкновенно гораздо больше половины, и так продолжается несколько лет подряд?

Вы видите, как огромные деньги уходят в человека, который вам не сын, не брат и не друг? И что вы предпримете, чтобы изменить существующий порядок вещей?..

Черт, а были ли у Самсонова сбережения, из-за которых человек, знающий о них, может пойти на преступление?

Подумав немного, я обратился в функции «Поиск»

«ИСКАТЬ ЧТО?» – спросил строгий Приятель, подмигнув мне лампочкой-глазком. «ДЕНЬГИ» – отпечатал я, зная, что программа моего подручного отыщет упоминания о деньгах или цифровые обозначения последних – в каких бы файлах у Самсонова они не находились.

И правда, уже через несколько секунд на экране появился средних размеров список личных самсоновских файлов, в которых так или иначе упоминались деньги.

На первом месте, согласно встроенному в программу количественному анализатору, стоял файл «dengi», что, собственно, означало «экономические документы».

Я вошел в файл и, глянув, удовлетворенно потер руки.

Ровными столбцами, с выравниванием и переносом, строились заработки и траты Самсонова точными датами и ценами. В конце файла находился список из пяти банков и двух инве-

стиционных компаний, вкладчиком которых являлся Виталий Иванович. Я сглотнул, посмотрев на общую сумму текущего наличного дохода Самсонова, датированную четвертым июня... то есть, исправленную хозяином за два дня до его смерти.

Я и предположить не мог, что у Самсонова столько имеется.

Ведь приход на четвертое июня, если суммировать суммы всех вкладов и прибавить к ним свеженачисленные проценты, составлял около полутора миллиардов рублей.

– Е-мое! – воскликнул я, потягиваясь и поднимаясь, наконец, из-за стола с Приятелем. И подумал: " Пора и мне, что ли заняться накоплением капиталов! А то к старости ничего, кроме Приятеля и комплектующих не останется. Вот будут у меня внуки, – а что, вдруг и будут? – так что я им показывать стану? Где крутая дача, крутая квартира с не менее крутой обстановкой, где, наконец, крутая машина? Вот придут ко мне дочка с мужем и внуками, а я им скажу «Познакомьтесь, это Приятель всей моей жизни, у него двухсотый процессор, изумительная мультикарта, два винта по семь гигабайт, он пользуется лучшим сканнером в городе, ксероксом и цветным лазерным принтером, который по стоимости равен нормальной двухкомнатной квартире! Это все, что я нажил за долгую, полную опасностей жизнь.» Они спросят «Дедушка, а у тебя есть два винта по семь гигабайт и двухсотый процессор?», или, что вероятнее, «А у тебя самого в тот момент они были?»

На этом месте думать мне разонравилось, и я стер предполагаемых нахальных внуков одним движением сухой ладони по лбу.

Время бежало вперед, часы тикали, Приятель мерно гудел.

– Ладно, мужик, – сказал я, – Спасибо за инструкцию, давай прощаться. Бурчи себе помаленьку, а мне работать нужно. – вышел из рабочего кабинета, задвинул шкаф, посмотрелся в пыльное зеркало, висящее в прихожей, и, взяв с собой ключи, диктофон с двумя чистыми кассетами и сотовый телефон, с которым старался не расставаться, покинул квартиру.

Отправился я, впрочем, не сразу на улицу, а по двору к соседу, стараясь, чтобы снаружи меня не было видно предполагаемым наблюдателям анонимного клиента.

Позвонив в железную «тайзеровскую» дверь, я дождался быстрых шагов Гошки и сказал, – Гош, это Мареев.

Пацан открыл, весело угукнув; на лице моего новорусского ученика в компьютерном ремесле, то есть, в искусстве, отражалось нетерпение, – небось, взламывал очередную новейшую «игрушку» из боевых или стратегических – просто удивительно, сколько их наплодили за последнее время.

– Гош, папа дома?

– Он еще не проспался, – сообщил тот, – они вчера день рождения друга праздновали. Вы проходите, – и посторонился.

– Щас я его разбужу, – сказал он, когда я прошел и закрыл за собой дверь, – Подождите.

В проеме кухонной двери и показалось лицо Кати, супруги Коляна, моего крутого соседа.

– Здравствуйте, Валерий Борисович, – сказала она, и повернулась к уходящему Гошке, – ты чего человека не пригласил?

– Спасибо, Катя, – отблагодарил я, улыбаясь, – Мне по делам быстрее надо, постою.

– Соку хотите? – пристрастие Катерины к натуральным фруктовым сокам было известно всему нашему небольшому дворику.

– А у тебя есть томатный «Элит»? – спросил я, про себя уже продумывая предстоящий разговор с букинистом.

– Конечно, – кивнула она, просияв, и скрылась на кухне.

Тут из дальней двери, откуда уже некоторое время слышались звуки довольно громкой борьбы, пробежал в свою комнату Гошка, кивнув мне: «Сейчас, идет», и тут же показался рослый бритый Колян в майке и спортивных штанах «Рибок», заспанный и недоумевающий. Круглое истинно славянское лицо с широкими скулами сейчас исказила затяжная зевота.

– Привет, – сказал я, пожимая протянутую лапищу новорусского богатыря, и честно добавил, – Мне машина нужна.

– А че тогда будил? – удивился Колян, снова зевая и трясая головой, – Ключи посеял?

– Нет, со мной, – усмехнулся я, глядя на заспанного бугая, – Просто сказать, чтобы не волновался.

– А че волноваться? – пожал плечами Колян, – Ты заправься только, там после вчерашнего мало осталось... Не забудь гараж закрыть, а то растащат все на хер... Ой! – бугай вздрогнул, когда подошедшая жена легонько ткнула его пальцем в бок, и, прищурившись, сообщил, – С добрым утром!

– Спасибо, – кивнул я Кате, принимая из рук стакан с холодным томатным соком, выпил, еще раз поблагодарил и, пообещав вернуть к вечеру, отправился к гаражу.

Вообще, я брал «BMW» Коляна совсем нечасто, но сегодня подвернулся именно такой случай – я, все-таки, не хотел, чтобы какие-то посторонние соглядатаи смотрели, куда и когда я выхожу, и, уж не дай бог, ездили за мной во время расследования. Гараж Коляна располагался внутри двора, а стекла в его машине были затемненные, так что, я очень надеялся, никто не поймет, что из двора выехал именно я.

Был, конечно, риск нарваться на ГАИшников, и, как уже бывало несколько раз, тратить время, доказывая, что машина не краденая – документов-то на нее с моим именем не было. Но добрый старый товарищ – Аслан Макаров, командир взвода ППС, капитан милиции, не раз выручал меня в этих и подобных случаях – у него, кажется, везде были знакомые и друзья.

Я вырвался из двора и невидимой, но гнетущей опеки на роскошной, умеренно рычащей тачке, взбрызнув придворовую грязь – и поехал в сторону букинистического магазина «Антиквариат»

Магазин встретил меня стеклянными витринами, в которых расположились разного возраста иконы, картины, несколько столовых наборов из серебра, и даже одна лампа с отделкой из слоновой кости.

Внутри царили приятное дневное освещение и тишина; посетителей не было, хозяев – тоже.

За кассой сидела молодая девчушка, которая внимательно рассматривала свои ядовито-красные ногти, исподлобья поглядывая на меня.

– Здравствуйте, – вежливо сказал я, подходя ближе и рассматривая правую часть магазина, полностью отданную основному товару магазина – книгам, которых на витринах и на стенных полках было, наверное, около тысячи.

– Здравствуйте, – ответила она, обаятельно улыбаясь, – Чем интересуетесь?

Я пропустил ее улыбку мимо, зная, что предназначается она больше кошельку, чем моим собственным достоинствам, и ответил, – Шаровым Иннокентием Арсеньевичем. Он где?

Девушка посмотрела на меня с некоторым недоверием, которое быстро сменилось легким испугом.

– Да здесь он, – сказала она, нервничая, – Где же ему еще быть?

– Позовите, пожалуйста. – твердо попросил я. Нужный тон и нужный тембр сделали свое дело; девушка скрылась за ширмой напротив входных дверей, в центре салона, и ее тонкие каблучки прошелкали по ступеням, ведсфШgy-uЎЎЎ нагрудный карман легкой летней куртки, я внимательно осмотрел полки, убеждаясь, что преимущественно здесь продавались не старые библиографические ценности, а нынешние раритеты, которые зачастую стоили если не дороже, то примерно столько же, сколько и старинные книги. Усмешку вызвала коллекция марок «Восемьсот пятьдесят лет Москве», расположенная в центре застекленной витрины, состоящая из восемнадцати отдельных картинок и блока-триптиха, шикарно оформленная, в двух экземплярах – гашеных и негашенных – и вся уместившаяся в удобной кожаном футляре,

сейчас, конечно, раскрытом навстречу покупателю. Стоил набор марок двести девятнадцать тысяч рублей.

Пока я засматривался на красоты Москвы Златоглавой, директор магазина, как говорится, подкрался незаметно.

– Интересуетесь? – сладенько поинтересовался он, – Это очень представительная коллекция. А цена практически издательская, всего с трехпроцентной надбавкой.

У него было круглое лицо, черные усы, он был высоким и пожилым человеком, без, однако, большого живота, в светлой рубашке, помеченной пятнами пота – на груди и под мышками. Толстые губы изогнулись в приветливой улыбке: мол, приветствую профессионала.

Правда, профессионалом он готов был назвать любого, способного заплатить за вышеозначенную коллекцию или иной предмет продажи магазина.

– Здравствуйте, Иннокентий Арсеньевич, – сказал я, и представился сам, – Мареев, Валерий Борисович. Нам надо поговорить.

– Хм, – удивился он, оценивая меня взглядом, – Это надолго?

– Зависит только от вас, – честно ответил я, глядя ему в глаза.

– Ну хорошо, пройдемте за мной, в кабинет, – сказал Шаров.

Я кивнул, и мы прошли – вниз по ступеням и направо сразу же в конце коридора.

Кабинет у него был ничего себе, хотя я видывал и получше. Главное, что привлекало внимание – обилие картин и картинок. Они просто занимали все пространство стен, практически не оставляя свободного места.

Шаров сел за стол и предложил мне стул. – Итак, – сказал он, усаживаясь и выкладывая сцепленные кисти рук на стол, – я вас слушаю.

– Во-первых, Иннокентий Арсеньевич, – сказал я, решив начать с проверки его реакции, – за каждый проданный экземпляр марок про Москву вы получите не привычные вам проценты, а полную стоимость. Потому что человек, который сдал их в продажу, к вам больше не придет. Он умер.

Шаров среагировал быстро, сразу же осознав, что связь с человеком, приносящим ему левые тиражи и отдельные издания раскрыта. И только потом до него дошло, что сам человек мертв. Или он так изобразил свою реакцию?

– Постойте, – сказал он после секундной паузы, хотя я ничего не говорил и, тем более, никуда не шел, – Вы из милиции?

По закону, я должен был правдиво ответить на этот вопрос. Что я и не преминул сделать, вынимая лицензию и показывая ее хозяину букинистического магазина.

– Я частный сыщик. Близкий друг вашего поставщика считает, что его убили. Он нанял меня, чтобы я расследовал это дело. Вот я и пришел.

– А какие отношения я имею к смерти Сергея Николаевича? – спросил Шаров повышенным, несколько крикливым тоном, слегка побледнев и явно приготовившись к бою; на меня он смотрел недоверчиво и растерянно, явно ошарашенный, на лицензию – как на билет в ад. И тут же добавил, – Я его едва знал!

Открыв блокнотик, я записал новые имя и отчество Самсонова. – Вы – единственный человек, с которым Сергей Николаевич имел деловые отношения в последние несколько лет, не считая коллег по работе. И именно вы – источник его основного заработка. Мне уже известно про ваши совместные дела с незаконной продажей книги Разинского «Загадки Сталина», кстати, про московские марки и еще про несколько проектов. Я пришел узнать у вас, в каких отношениях вы были с покойным, причем, мне нужно очень подробное и взвешенное объяснение.

Пока я говорил, Шаров краснел и бледнел попеременно. По окончании моего вступления он побагровел, словно помидор, и, удостоив меня яростным взглядом, трясущимися губами

выплюнул на повышенном тоне, – Да какое вы имеете право влезать ко мне в кабинет и нести бездоказательную ахинею про незаконные дела?! Вы кто вообще такой?! Какого хрена?!..

– Замолчите! – рявкнул я, вспоминая, как говорил с нарушителями Аслан Макаров, – Если вы хотите доказательств, вы их получите! Но если вы будете на меня орать, вы получите их в кабинете следователя или на суде!

Шаров замолчал, уставившись на меня выпученными глазами, усы его топорщились, лоб блестел, покрытый каплями пота.

– Чего вам надо? – почти вежливо спросил он.

– Вот так гораздо лучше, – отметил я, – Повторяю, я пришел сюда для того, чтобы узнать у вас подробно все, что возможно, про личные и деловые отношения с Сергеем Николаевичем. В мои цели не входит трепаться с ментами или с налоговыми инспекторами про ваши миллионные дела, мне нужно установить, причастны вы к убийству, или нет!

– Да вы что?!.. – возмутился Шаров, причем, в его глазах явственно колыхнулся страх, он что-то вспомнил, о чем-то подумал, дернулся, как от пощечины, заморгал, пряча взгляд, – Да вы что?!

– Что "я"? – сухо спросил я, – Вы в глаза смотрите, в глаза!

Он выпучил свои черные глазищи, нервно помаргивая, громко вдыхая и выдыхая, вытер пот со лба рукой, сглотнул.

– Вот так, – снова жестко похвалил я, – Теперь давайте попробуем нормально поговорить. – Осторожно проверил рукой диктофон в кармашке – он исправно мотал кассету – и заодно приготовился записывать.

– Для начала напоминаю, что в ваших интересах быстрее ответить на мои вопросы и от меня отделаться. Но быстрее – не значит проще; если хоть один ответ будет нечестным или если вы не договорите до конца – я вернусь сюда. Причем, вернусь с ордером на арест и обыск. Тогда ваша культурная деятельность будет приостановлена. Возможно, на долгие годы. Понятно?

Шаров посмотрел на меня совершенно диким взглядом и тут же молча кивнул.

– Итак, – начал я, – когда и при каких обстоятельствах вы впервые встретились... с Сергеем Николаевичем.

– С Петровым я познакомился не очень давно, – с готовностью ответил Иннокентий Арсеньевич, – Около полугода назад. Мы вместе отдыхали в Ялте, разговорились... сошлись в интересах.

– О чем?

– О книгах, главным образом... Черт, я про него очень мало знаю, он сказал только, что может поставлять для продажи ценные вещи, привел примеры, даже показал одну книжицу и набор подарочных открыток... Очень симпатичные...

– Ну и?

– Ну, и я согласился!

– Как вы обставляли свои дела?

– Да просто, в принципе, – задрожал, задвигал плечами любитель и знаток книги, – Он приносил, я от своего имени сдавал на комиссию... Устанавливали льготные пять процентов комиссионных...

– А обычный тариф?

– Двадцать, – почти выплюнул он, – Двадцать!..

– Да говорите вы, черт возьми, – вспыхнул я, – Что из вас каждое слово надо клещами вытаскивать?!

– Да я говорю! – вспыхнул Шаров, не скрывая своей злости, – Говорю я!.. – и замолк, тяжело дыша. – Так вот, – продолжил он, наконец, – в накладные записывали разных людей, паспортные данные брали с реальных людей.

– Меня прежде всего интересует, что вы в накладных писали одну цену, а продавали за другую. Как это у вас получалось?

– Да вы что думаете, нас кто-нибудь нормально проверяет? – в сердцах воскликнул он, – Мы же работаем с малотиражными экземплярами, там в выходных данных зачастую вообще тираж не пишется. И многое другое – тоже.

– То есть, вы просто на просто писали в накладных небольшую цену, продавали по большой, я правильно понимаю? Так? – уточнил я, зная, что вышесказанное не сможет послужить серьезным обвинением и желая, чтобы чертов букинист признался в нарушении закона сам.

– Ну... – затянул он, срочно придумывая оправдание.

– Иннокентий Арсеньевич, – вздохнул я, уже несколько устало, – этот разговор останется между нами, обещаю. Давайте быстрее.

– Да, – ответил он, – вы совершенно правильно понимаете. Ну и что?

– Да ничего. – ответил я, усмехаясь, весь этот разговор меня внезапно рассмешил. Действительно, что можно было нового узнать о Самсонове из этого разговора, кроме подставного его имени-отчества?

– Ладно, – пожал плечами я, – Давайте продолжим. Большую часть от проданного получал он, а вам приходилось довольствоваться только мелочью... хотя, если взять того же Разинского, пять сотен с книги – не мелочь. Но все равно, вас это не злило?

– К чему вы клоните?! – тут же напрягся Шаров, – Вы что вообще имеете ввиду?!

– Не к чему я не клоню, – ответил я, понимая, что разговор, в принципе, уже исчерпан. Явно, либо Шаров умел отлично притворяться, либо он ни хрена не знал про Самсонова и просто не мог до него добраться. К тому же я сейчас беседовал с трусом, который на убийство пошел бы лишь в одной ситуации – будучи припертым к стенке. Проверить наличие в недавнем прошлом такой ситуации не представлялось возможным, во всяком случае, пока. Мысленно я решил еще вернуться сюда, или, что даже лучше, нагрянуть к Шарову на квартиру, благо адрес имелся, и устроить там обыск, пока хозяина нет дома.

А сейчас разговор пора было заканчивать. – Значит так, Иннокентий Арсеньевич, – задумчиво кивнул я, – Мы с вами пришли к следующему вопросу: вы действительно не знаете о... Петрове ничего?

– Практически ничего, э-э-э... Валерий Борисович, – ответил букинист, пожимая плечами, – Мы ж не были близкими друзьями, мы просто делали деньги. Но я знаю, что у него здесь была квартира, кажется, в городе живет его дочь, у которой он и останавливался, когда приезжал.

– В смысле, из Москвы?

– Ну да, откуда же еще?

Таак, а вот это было несколько интереснее, – Шаров даже не знал, что Самсонов работает и живет не в Москве. Это говорило еще и о том, что виделись они и вправду нечасто. В историю со знакомством я верил – это походило на Самсонова – небось, он просчитал все заранее, и, выбрав человека, через которого будут уходить большинство созданных им раритетов, поехал в Ялту, чтобы встреча выглядела правдоподобнее. Легенду он продумал достойно.

Но не может не быть ни одной зацепки – что-то подсказывало мне, что умный человек Виталий Иванович должен был оставить Шарову нить связи на крайний случай – проверка там, или еще что, кто знает?

– Он оставлял вам какой-нибудь телефон, на всякий случай?

– Вообще-то, он оставил адрес этой квартиры, ну, где останавливался, когда приезжал. Но предупредил, чтобы я приходил только в крайнем случае. Его дочь про наши дела не в курсе.

– Адрес, – сказал я, протягивая блокнотик, открытый на чистой странице.

Шаров колебался до первого взгляда в упор. Затем вздохнул, сметая со стола наиболее легкие из бумаг, и написал адрес.

– Чернышевского, восемьдесят пять, квартира шестнадцать. Наташа. – отчетливо прочел я, – Правильно?

– Правильно, – с неприязнью выдохнул Шаров, – Совершенно правильно.

– Телефон какой?

Шаров продиктовал номер, я записал.

– Теперь все? – спросил он.

– До свидания, – сказал я, слегка наклонив голову.

– Э-э-э, – с изумлением ответил он, – До свидания... Погодите, – все же осмелился спросить, когда я уже выходил, – А вы действительно не?..

– Нет, – ответил я, – Если вы рассказали правду и ВСЮ правду, я просто раскрою это дело. Если же вы соврали или

ЧЕГО-ТО НЕ ДОГОВОРИЛИ!..

Он сглотнул, мысли его мгновенно вернулись к страху, который проступил в самом начал моего визита – он явно не все сказал.

– Ну-у-у, – широко и некрасиво улыбаясь, ответил он, – Давайте, я все по-подробнее вспомню, и мы снова встретимся? В нормальных условиях?

– Хорошо, – ответил я, посмотрев на часы. – Завтра в это же время я снова приеду.

И вышел оттуда. Но меня отчего-то не оставляло ощущение, что ничего нового Иннокентия Арсеньевич больше не скажет. С этим ощущением я и уехал.

Как наставлял Приятель, следующим пунктом нашей эстафеты было посещение Эрика Штерна, любящего, как утверждалось в личном деле, работать в спокойной и тихой обстановке, то есть – на дому.

Проживал Эрик у черта на куличиках, где-то в Солнечном поселке, причем, как было записано в файле издательства, на шестнадцатом этаже.

К счастью, шестнадцатизэтажек в Солнечном раз, два, и обчелся, поэтому подъехал к месту назначения я довольно быстро.

Поставив машину у подъезда и включив систему охранной сигнализации, я открыл страничку, где был записан адрес художника, и, сверяясь в ней, стал искать нужный подъезд.

Лифт не работал. Проклиная жилищное управление, я добрался-таки до шестнадцатого этажа, минут пять стоял у обитой деревянными рейками двери, сдерживая отчаянно колотящееся сердце, да предательскую дрожь в коленях. Когда она, наконец, утихла, я успокоился, снова включил диктофон, используя уже вторую сторону кассеты, и позвонил.

Дверь не открывали долго. Когда я позвонил в пятый раз, из-за нее раздались отдаленные, медленно и задумчиво приближающиеся шаркающие шаги.

– Кто там? – голос у спрашивающего был какой-то бесцветный, странный, словно хозяин квартиры спал, и мой звонок его разбудил.

– Я из издательства, – ласково сказал я, – от директора, от Дмитрия Алексеевича.

– Сейчас открою, – сказали из-за двери после долгого рассматривания меня через глазок.

Открыл худой высокий парень лет двадцати пяти, глаза которого светились непризнанным талантом, а вытянутое заспанное лицо – капризностью малого ребенка. Он как-то странно посмотрел на меня и несколько раз выразительно моргнул. Лицо у него было какое-то странное, почти деревянное, словно у больного эпилепсией перед припадком.

– Не готова еще, – сказал он, разводя руками и топчась у порога, – Я же говорил, к вечеру лучше... а еще лучше – к завтрашнему утру... – и снова несколько раз моргнул. Кажется, он указывал глазами куда-то за спину.

– Да я не для того, – дружелюбно махнул рукой умный Мареев, не обращая внимания на явный – намек мотать отсюда, – Я по другому делу.

– Да? – встряхнул головой парень, пробуждая свою подозрительность, – Это по какому же?

– Речь пойдет о товарище Самсонове Виталии Борисовиче, – сказал я, улыбаясь, и, забавшись ждать приглашения, вошел в квартиру, потеснив хозяина.

В квартире меня ждал сюрприз: войдя, я встретился глазами с дулом, которое незнакомый седой мужик среднего роста и ветеранского возраста направлял мне в лицо, прижимаясь к стене справа от входной двери. Он стоял и смотрел, сверкая маленькими темными глазками. Рот под светлыми выгоревшими усами мужик оскалил в веселой гримасе. У него был вид уверенного в себе профессионала.

– Ты его знаешь? – спросил мужик в Штерна, кивая на меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.